

Елена Михалёва

БЕЗУПРЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Л. Латышова*
Дизайн обложки *Д. Васильченко*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Безупречные создания : [роман] / Елена Михалёва. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-249666-0

Елизавета Бельская — подающая большие надежды воспитанница института благородных девиц. Ее ждет прекрасное будущее. Однако в Смольном начинают происходить шокирующие события. Две подруги Елизаветы оказываются отравлены. Девушка вынуждена расследовать, кто стоит за этими преступлениями, поскольку выбора у нее нет: все указывает на то, что следующей жертвой будет она.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249666-0

© Михалёва Е.А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Невесело и досадно тянулись дни в преддверии скорых летних каникул. Май выдался солнечным, а начало июня — душным. По ночам с Невы тянуло сыростью, но вместо желанной прохлады сквозь распахнутые окна в комнаты проникали лишь докучливые комары. Не спасали ни марлевые шторы, ни вонючее камфорное масло, которое жгли в лампадах на подоконниках. Поэтому спать девушки предпочитали с закрытыми окнами: пусть воздух и спёртый после сна, но всяко лучше, чем дышать камфорой или же чесаться от укусов.

Однако классную даму подобное, по обыкновению, не устроило.

Первое, что сказала Анна Степановна тем утром, было её дежурное:

— Bonjour, mes demoiselles¹.

А затем, едва переступив порог дортуара, она поморщилась, словно бы оказалась в накуренном кабаке, и брезгливо добавила:

— Нет, это решительно невыносимо! Опять закупились, точно их украдёт кто-нибудь!

¹ Доброе утро, дамы (франц.).

Классная дама гневно застучала каблуками через всю комнату, чтобы с нарочитым грохотом распахнуть оконную раму и впустить солнечный свет и лёгкую прохладу июньского утра.

— Анна Степановна, так ведь комары, — сонно простонала со своей постели Наталья.

— Что комары, Натали? Унесут вас через форточку? И слушать не желаю ни о каких комарах. — Она сердито захлопала в ладоши. — Поднимайтесь к завтраку. Ольга Николаевна — умница, уже встала, я погляжу. А вы всё спите. Это из-за духоты. — За первым окном женщина открыла и второе, отчего в уютно-сумрачной комнате тотчас сделалось светло. — Вот погодите, заработаете головную боль. А ругать меня станут. Скажут, я недосмотрела. И без того чересчур много вам позволяю, любезные сударыни.

С этими словами Анна Степановна Свиридова, их суровая и застёгнутая на все пуговицы наставница, удалилась.

Раньше она таковой не была.

Лиза справедливо считала, что им с классной дамой очень повезло. Прочие учительницы и инспектрисы имели дурную привычку к вздорным придишкам и окрикам. Младшим девочкам они давали обидные прозвища. Со старшими порою откровенно воевали, ибо те уже не сносили обид столь покорно, как прежде. Но Анна Степановна с первых дней была с девочками ласкова и терпелива. Вместо наказаний она всегда доискивалась до причин, почему её воспитанницы ведут себя неподобающе или же не успевают по учебным дисциплинам. Эта полноватая, похожая на греческую скульптуру женщина с седеющими волосами и пронизательным взглядом серых глаз сочетала в себе

качества строгой воспитательницы и внимательной матушки, которую, вероятно, пыталась заменить девочкам.

Разумеется, некоторые смолянки полагали, что всё дело в дворянском происхождении её воспитанниц. Якобы Свиридова побаивалась их влиятельных родителей. Отсюда и все поблажки. Но Лиза с девяти лет знала эту женщину и понимала, что Анна Степановна умела проявлять строгость, когда считала это уместным. Особенно если пребывала не в духе. Совсем как отец Лизы. И с годами эта черта в ней лишь укреплялась.

Поэтому препираться Елизавета Бельская не стала. Она послушно свесила ступни с кровати и принялась нашаривать туфли босыми ногами.

— Доброе утро, ангел мой, — улыбнулась ей рыжая жизнерадостная Наталья, которая уже натягивала поверх сорочки халат.

— Bonjour. — Лиза сладко потянулась.

Ей удалось-таки отыскать вторую мягкую туфельку. Девушка бодро спрыгнула с постели и подошла к окнам, чтобы поправить небрежно раскрытые шторы. Лиза придала плотной тёмно-кофейной ткани красивые складки, сняла бесполезную марлю от комаров, сложила её и водрузила на подоконник аккуратным свёртком.

— Такой день чудесный, — заметила вслух Бельская, выглядывая в окно. Туда, где раскинулся сад Смольного института. С их второго этажа вид открывался просто изумительный. — Как думаете, нам сегодня позволят погулять подольше?

— Было бы славно. Но это если Ермолайка сжалится и не оставит после занятий, как на минувшей неделе случилось, — без энтузиазма ответила ей Наталья.

Она расплела свои роскошные рыжие волосы, откинула их за спину и побрела в ванную комнату умываться.

«Ермолайкой» девушки прозвали за глаза своего строгого учителя химии, Петра Семёновича Ермолаева. Почтенный учёный муж преклонных лет отличался удивительной нелюбовью ко всему женскому полу, как думали институтки. Он постоянно заставлял их задерживаться после занятий и до бесконечности решать химические уравнения. Твердил, что все они беспросветно глупы и неспособны к учёбе, что, разумеется, оставалось далёким от правды. В отместку девушки прозвали его «Ермолайкой», как какого-нибудь кучера, привыкшего понукать лошадей.

Лиза отвернулась от окна.

Три из четырёх кроватей, включая её собственную, были пусты. Спала лишь Татьяна, отвернувшись к стене лицом. Так что только макушка да часть толстой русой косы виднелись из-под одеяла.

Ольга ушла в ванную комнату первой. Встала, ещё когда они спали. Лиза даже этого не слышала. Постель подруги пребывала в беспорядке.

— Танечка, как думаешь, отпустит нас Пётр Семёнович сегодня пораньше? — весело спросила девушка.

Подруга не ответила. Даже плечом не повела.

— Ох и засоня же вы, Татьяна Александровна. — Лиза со смехом направилась к шкафу, чтобы взять халат. — Вот выйдешь замуж за своего доктора через год, придётся все привычки менять. Вставать раньше, провожать его, вечерами дожидаться к ужину. Думаешь, хватит у тебя терпения?

Лиза снова тихо засмеялась. На сей раз как-то грустно.

Она и сама всё чаще размышляла о том, что станет с ней после выпуска. Это здесь, в Смольном, всё ей привычно: режим дня, уроки, учителя и подружки. Их комната с канареечными стенами и бело-синей изразцовой печью, где всё одинаковое вот уже восемь лет. Их отдельный дортуар на четверых, где всего по четыре — кровати, четыре стола, стульев, гардеробов. И будто бы вся жизнь на четверых у них разделённая. Пусть кто-то из воспитанниц твердил, что их существование немногим лучше монастырского уклада, Лиза не сомневалась в том, что она в институте счастлива. А ещё она совершенно не представляла, какой жизнь сделается через год. Она бы и рада была остаться при пансионе. Преподавала бы французский или немецкий младшим девочкам. Но папенька не позволит. Она же ведь не сиротка какая-нибудь, а дочь действительного тайного советника. Так что разойдутся их пути с подругами однажды. Будут видаться на светских приёмах, переписываться да слать друг другу подарки на праздники.

Елизавета встряхнула свой халат. Будто отгоняла печальные мысли, которые грозились испортить ей такой чудесный день.

— Татьяна, c'est l'heure de se lever...¹

Договорить Лиза не успела, потому как истощенный женский визг пронзил тишину и негу июньского утра.

Кричала Наталья. И в этом крике не просто прозвучал девичий испуг, но истерический ужас, от которого по коже пробежал мороз.

Елизавета бросила халат на свою кровать. Она побежала в широкий коридор.

¹ Пора вставать (франц.).

Другие девочки, такие же заspanные и неодетые, в нерешительности выглядывали из своих комнат. Кто-то вышел. А с противоположного конца на крик спешили две классные дамы. Лиза их опередила.

Она, как была, в одной сорочке выскочила в застеленный истоптанным вишнёвым ковром коридор и завернула за угол, к дверям в их отдельную ванную комнату.

Дверь в прохладное помещение оказалась распахнутой.

Первым, что Лиза увидела, была Наталья. Её рыжая подруга сидела на кафельном полу прямо у входа и кричала во всё горло, вцепившись пальцами себе в волосы.

А вторым...

Вторым было тело другой подруги.

В углу возле широкой керамической раковины лежала Ольга. Кожа её приобрела синюшный оттенок, а белая сорочка на груди напиталась кровью, такой яркой, что показалась Лизе ненастоящей. Кажется, эта яркая кровь была здесь повсюду — на кафеле, на виске девушки и даже на краю раковины. Её тяжёлый запах с примесью железа витал в воздухе ванной комнаты, где по обыкновению не пахло ничем, кроме сырости и цветочного мыла.

Это зрелище настолько поразило Лизу, что она не сразу осознала случившееся.

Ольга была мертва.

— Господи помилуй, — только и смогла прошептать оторопевшая девушка, осенив себя крестным знаменем.

Услышавшая её голос Наталья будто очнулась. Она на четвереньках подползла к Лизе и вцепилась в ноги

подруги, ища защиты и спасения. Крик Наташи обернулся истерикой. Девушка разразилась слезами. На покрасневшем лице выступили отчётливые белые пятна.

Коридор тем временем заполнился людьми. Подоспевшие классные дамы пытались выяснить, что же случилось в институте ни свет ни заря. Кто-то ругался, что не спустит с рук столь беспардонного нарушения тишины, ибо не пристало воспитанным девицам так неприлично голосить. Однако все замечания тотчас утихли, едва наставницы оказались в ванной комнате.

Лиза медленно опустилась на пол возле Натальи и обняла её. Она двигалась совершенно механически, потому как не могла оторвать взгляда от Ольги, синей и неподвижной, залитой кровью.

— Что здесь произошло? — раздался за спиной голос Анны Степановны.

Наташа зарыдала ещё горше.

— Не знаю, — с трудом вымолвила Бельская непослушными губами. Во рту пересохло. Гортань неприятно щипало. — Наверное, она тут... лежала... Наталья нашла.

Её рыжая подруга энергично закивала, продолжая сотрясаться от рыданий.

Столпившиеся в коридоре осмелели. Раздались голоса.

Кто-то из подошедших к дверям в ванную комнату девочек упал в обморок с криком.

Побледневшая как полотно Анна Степановна замахала руками.

— Разойтись! — скомандовала она строго в попытке сохранить самообладание. При этом её голос взлетел вверх неестественно высоко. — Всем разойтись по ком-

натам и не выходить! *Maintenant!*¹ Не на что тут смотреть!

Свиридова продолжила громкими, нервными криками разгонять перепуганных институток. Лиза толком не вслушивалась в её слова. Лишь уловила, как другие классные дамы, что вошли в ванную комнату и остановились подле несчастной Ольги, сказали:

— Упала.

— Поскользнулась, похоже.

— Голову разбила о раковину насмерть.

— Упокой Господь её душу.

Всё казалось нереальным. Ненастоящим.

— Елизавета! — Голос Анны Степановны раздался над ухом. Классная дама коснулась её плеча, чтобы привлечь внимание: — Елизавета Фёдоровна, уведите Натали отсюда и дайте ей воды, пока с ней припадок не случился!

Вероятно, Свиридова сочла, что Лиза из них двоих единственная оставалась в здравом уме. Но если бы не приказ позаботиться о бедной Наталье, девушка и сама бы лишилась чувств.

Покойников Бельская прежде видела лишь в гробах на похоронах, да и то по большей части издалека. Даже смерть собственной матушки она помнила весьма смутно. Всё, что всплывало в памяти, — это приятный запах горящих свечей в церкви во время отпевания и ажурные белые кружева, которыми украсили гроб. Но то воспоминание виделось ей торжественно-печальным. Будто бы со смертью ничего общего не имело вовсе. В то время как зрелище мёртвой подруги поразило её настолько глубоко, что практически дара речи лишило.

¹ Живо! (*франц.*).

Лиза кое-как встала на ноги и с помощью Анны Степановны подняла с пола рыдающую Наталью.

Вместе они вышли в коридор, где прибавилось учителей и инспектрис. Все спешили на место происшествия. Институтки разошлись по комнатам, однако продолжали с любопытством выглядывать из-за неплотно прикрытых дверей.

Кто-то плакал. Кто-то громко молился.

От их дортуара до ванной комнаты было всего шагов десять. Девушки всегда гордились тем, что у них есть собственное умывальное помещение со всеми удобствами. Но сейчас эти десять шагов показались Лизе каким-то непреодолимым, бесконечным расстоянием. Она даже позабыла о том, что выскочила из спальни в одной ночной сорочке, как была.

— Наташенька, миленькая, ну что же ты, — бездумно бормотала девушка, а сама всё не могла отделаться от образа мёртвой Ольги: её раскинутые в стороны руки, разметавшиеся тёмные волосы, набрякшие от крови, и остекленевшие очи. Эта картина так и стояла перед глазами. — Не плачь, моя душа. Не убивайся. Тебе ведь дурно сделается. Милая. Не нужно.

Они наконец зашли в свой дортуар.

Лиза усадила беспрестанно всхлипывающую Натали на её разобранную постель, которая стояла ближе прочих к двери.

У неё самой дрожали руки, пока она наливала воду в стакан из кувшина. Часть воды выплеснулась на письменный стол. Ещё немного — на ноги и на ковёр.

— Попей, пожалуйста. — Она протянула стакан Наташе и, пока подруга пила частыми глотками, возвратилась к столу, чтобы налить ещё один для себя. — Сейчас оденемся и пойдём к доктору в лазарет, — бор-

мотала Бельская, стараясь привести в чувство скорее себя, нежели Наталью. — Пусть даст тебе успокоительные капли. И мне. Мне тоже надо капли.

Лиза осушила стакан и со стуком поставила его на стол. Только сейчас она вспомнила, что они с Наташей не одни в комнате.

Таня по-прежнему сладко спала, отвернувшись лицом к стене.

— Господи, Татьяна! — Лиза судорожно всплеснула руками. — В толк не возьму, как ты можешь спать в такую минуту!

Наталья выразительно всхлипнула. Уронила опустевший стакан на пол. И рухнула лицом в свою подушку, зарывав с новой силой.

— Натали, прекрати! Ты заболеешь! Слышишь меня? — Лиза дёрнулась было к ней, но замерла посреди комнаты. — Таня, нельзя же так! Встань! Помогите мне! Не видишь, Наташе плохо! Там Ольга в ванной разбилась насмерть, а Наталья её нашла!

Но Татьяна не реагировала.

Внутри у Лизы Бельской всё будто окаменело.

Девушка метнулась к спящей подруге и принялась трясти её за плечо, дабы поскорее разбудить.

Но Таня попросту перевернулась на спину, как безвольная кукла. Голова откинулась. Лицо её выглядело бескровным, а губы — синюшными. Веки опущены, но вовсе не как у спящего человека, готового в любой момент пробудиться.

Татьяна была холодна и мертва.

Вот она, красавица с пухлыми губами. С русой косой до пояса и звонким, переливчатым смехом. Сегодняшняя невеста. Будущая жена. Лежит без движения. Без какой-либо искры жизни. Разве же может подоб-

ное происходить на самом деле? Две беды в один день не случаются. Тем более столь чудовищные. Так попросту не бывает.

Лиза вскочила с кровати подруги, стремясь убраться от трупа подальше. Девушка вскрикнула. Прижала руки к губам, пятась к окну. Но на полпути ударилась бедром о стул, который не заметила. Эта глупая, ничего не значащая неожиданность оказалась последней каплей.

И Елизавета Бельская лишилась чувств.

Глава 2

Прежде Лизе всегда казалось, что у человека худого и высокого усики непременно должны быть тоненькие. Эдакие тараканьи усы. В то время как мужчина тучного телосложения станет носить усы густые, будто у моржа, а к ним в придачу и бакенбардами обзаведётся. Она и представить себе не могла, откуда у неё, благовоспитанной девицы, взялись столь глупые предубеждения. Вероятно, всё из-за пережитого потрясения. Хорошо хоть не слегла с нервным расстройством, как Наталья.

Следственный пристав, который прибыл в Смольный, дабы допросить девушек, оказался мужчиной долговязым и сухим. С узкими плечами, крупными ладонями и орлиным носом. А вот усы у него были самые что ни на есть моржовые: такие густые и длинные, что нависали над верхней губой, словно тёмно-русая чёлка. И когда сыскарь говорил, дыхание колыхало эту «чёлку», невольно притягивая взгляд собеседника. От этого Лиза чувствовала себя бесконечно неловко, хоть и старалась смотреть пристава в глаза.

Взгляд у него, кстати, был пристальный и лукавый. С хитрецей. Отчего ощущение неловкости лишь усиливалось.

И всё же девушка держалась уверенно. Не мямлила. Благо в классной комнате, в которой им позволили беседовать, присутствовала Анна Степановна. Свиридова зорко следила как за своей воспитанницей, так и за приставом, который представился Иваном Васильевичем Шавриным. В компании наставницы Лиза чувствовала себя спокойнее.

Наталью, которая никак не могла оправиться, опросили прямо в лазарете. А вот Бельскую, как и всех остальных, вызвали отдельно.

Для допроса институт предоставил кабинет литературы. В просторном помещении вдоль стен стояли книжные шкафы, над которыми тесным рядом висели портреты русских классиков. Все запylённые и выцветшие от времени.

Занятия в этот день были отменены, поэтому на коричневой доске мелом значилась вчерашняя дата, которую никто не потрудился стереть. Тряпка была сухой и грязной, а вдоль плинтуса под доской скопились белые меловые крошки. Ужасная неопрятность, как показала Лизе. Случись проверка, досталось бы всем.

Но пристава вряд ли волновала грязная доска в кабинете литературы или плохо вымытые окна, на которых приметно выделялись разводы. Жирная чёрная муха билась о стекло и отчаянно жужжала в попытках вырваться на волю, в сад. Однако никто не обращал на неё внимания.

Иван Васильевич Шаврин занял место за учительским столом. Он разложил свои бумаги и делал пометки, пока Лиза отвечала на его вопросы, а сам

всё поглядывал то на девушку, то на её классную даму, которая сидела позади. Сама Лиза села за первую парту напротив учительского стола. Так, чтобы и говорить было удобнее, и видеть, что именно пишет Шаврин на своих разлинованных листках из толстой синей папки.

— Бельская Елизавета Фёдоровна. Семнадцать лет от роду. Единственная дочь действительного тайного советника Фёдора Павловича Бельского. Всё верно? — пристав прищурил водянистые глазки.

— Верно. — Девушка медленно кивнула, поборов желание оглянуться на классную даму.

— Вчера около шести часов утра вы и ваша подруга баронесса Наталья Францевна фон Берингер обнаружили мёртвыми графиню Ольгу Николаевну Сумарокову и княжну Татьяну Александровну Разумовскую, — Иван Васильевич читал с листа. — Кем вы приходились покойным девушкам?

Пристав оторвался от бумаги в ожидании ответа.

— Мы дружим с тех пор, как поступили на учёбу, — девушка нахмурилась.

Стоило бы сказать «дружили», но Бельская не решилась.

— Вы проживали в отдельной комнате вчетвером? — уточнил Шаврин.

Вряд ли пристав не знал о том, что дворянкам и дочерям крупных меценатов предоставляли собственные спальни. Порой княжны и принцессы крови и вовсе проживали в гордом одиночестве. В общих дортуарах жили в основном мещанки и дочери более мелких чиновников. В некоторых классах даже по несколько десятков человек ютились в довольно прохладном помещении, как в казарме.

— Да, у нас своя спальня на втором этаже, — подтвердила девушка. — И ванная комната тоже отдельная от общей.

— В ней нашли Ольгу Сумарокову. — Пристав сверился с бумагами.

— Все четыре девушки заслужили своё право как на отдельную спальню, так и на умывальную комнату, — подала голос Анна Степановна. Говорила она сухо, давая понять, что пристав приставом, а свою воспитанницу нервировать понапрасну она не позволит. — Они учились блестяще. Все четверо — кандидатки на получение золотого шифра в будущем году.

Свиридова прижала к губам надушенный платок. Умолкла. Похоже, и сама не верила, что от четырёх её лучших учениц осталось двое. Одна при этом пребывала в состоянии шока, а вторая оказалась на допросе. Не отвезли в полицию, спасибо и на том.

Шаврин одарил классную даму пристальным взглядом.

— Голубушка Анна Степановна, никто и не думает ставить под сомнения достижения барышень. Речь о том, что у них могли быть завистницы среди тех девушек, чьи родители не в состоянии позволить себе оплату отдельных спальных комнат, уборных и прочих привилегий, — он снова уткнулся в бумаги.

Классная дама возмущённо фыркнула.

— Наши девочки никогда бы не опустились до столь тяжкого преступления из зависти. — Она на миг поджала губы, как если бы собиралась отчитать пристава, точно нерадивого посыльного. — У нас и воровать-то никто не смеет. За воровство незамедлительно отчисляют. А вы говорите о покушении на жизнь.

— И тем не менее две юные особы отправлены в мертвецкую. — Иван Васильевич снова глянул на

классную даму. — Анна Степановна, я здесь, чтобы выяснить все обстоятельства из уст Елизаветы Фёдоровны. Вас я уже опросил. И буду признателен, если вы позволите мне делать свою работу.

— Дозволяю. — Свиридова гордо выпрямилась. При этом её брови сурово сошлись на переносице.

Будто орлица на страже своего орлёнка.

От этой ассоциации Лизе стало спокойнее.

Пристав снова обратился к ней. Говорил он несколько мягче, чем с классной дамой.

— Елизавета Фёдоровна, расскажите, что именно произошло утром третьего июня, когда ваши подруги были найдены мёртвыми. Меня интересуют любые подробности, которые вам удастся припомнить.

Девушка коротко кивнула, собираясь с мыслями.

— Той ночью я спала крепко, ничего странного не заметила, — начала Лиза свой рассказ. — Примерно в шесть утра нас по обыкновению разбудила Анна Степановна. Когда я проснулась, то увидела, что Ольги в комнате нет. Татьяна ещё спала, — она замялась. — То есть я так думала.

— Почему вы решили, что Татьяна Александровна спит? — уточнил пристав, который непрерывно делал записи, пока Лиза говорила.

— Она лежала на боку. Спинай ко мне, накрытая одеялом. Я не видела её лица, поскольку оно было повернуто к стене.

— Она дышала?

— Je ne sais pas¹, — Лиза неуверенно пожала плечами. Пристав ожидал подробностей, поэтому девушка пояснила: — Я сначала к окну подошла, чтобы попра-

¹ Я не знаю (франц.).

вить шторы, а потом — к гардеробу, чтобы взять халат. Мои кровать и шкаф стоят ближе к окнам. А Татьянины — в дальнем углу за печкой. Я заметила только, что она лежит. Вот и решила, что Татьяна Александровна крепко спит. Или вставать ленится.

Шаврин черкнул что-то на листке.

— Что было дальше? — спросил он, побуждая девушку к более детальному рассказу.

Лиза не ощущала робости перед этим человеком, несмотря на весь ужас ситуации. С детства она привыкла к тому, что в их доме было полно высокородных гостей. Чиновники всех мастей и отставные военные навещали её папеньку. Лиза к ним привыкла и не боялась постоянных. Лишь свято следовала наказам своего родителя вести себя прилично и тихо, как и подобает благовоспитанной даме. Однако её очень заинтересовали записи пристава. Оттого и говорила она медленно: постоянно отвлекалась, чтобы разобрать в них хоть что-то вверх тормашками. Кроме того, среди бумаг она заметила их фотографии из институтских альбомов. Роскошь, которой, видимо, следствие попросило поделиться.

— Мы с Натальей Францевной коротко побеседовали о том, что погода дивная и хорошо бы погулять, — продолжала Лиза. — Потом Наталья ушла в ванную комнату. Она прямо за углом, поэтому почти сразу я услышала её крик и побежала к ней. А до этого... — девушка нахмурилась. — До этого я попыталась с Татьяной поговорить. Пошутила про её жениха и про привычки. Посмеялась, что нельзя так долго спать. Но ответа я не дождалась, потому что Наташа закричала и я побежала к ней.

— Про жениха мы позже поговорим. — Ещё одна пометка карандашом на бумаге. — Расскажите, что вы увидели, когда прибежали на крик.